

УДК 321.01

Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России

Н. В. Лаптева

Лаптева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет), lapteva.n@list.ru

В статье рассмотрены основные проблемы и противоречия системы высшего образования в современной России, трактовки их причин и способов решения, представленные в отечественном научном дискурсе. Сделан вывод о том, что наиболее оптимальным является «консервативный» вариант реформирования, сторонники которого акцент делают на необходимости переформатирования функциональности государства в сфере высшего образования на основе деюрократизации и минимизации формальных показателей, на основе реализации стратегии повышения качества обучения, практико ориентированной на национальные интересы и потребности российской экономики и общества в целом, в том числе и на основе социально-воспитательной функции вузов.

Ключевые слова: государственная политика в сфере высшего образования, реформы высшей школы, цифровизация образовательного процесса.

Поступила в редакцию: 03.03.2020 / Принята: 13.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Issue of Reforming Higher Education within the Scholarly Discourse of Modern Russia

N. V. Lapteva

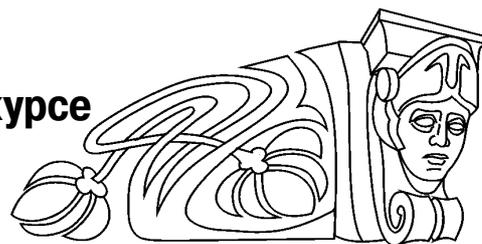
Natalia Vladimirovna Lapteva, <https://orcid.org/0000-0002-7176-4951>, Samara National Research University (Samara University), 34 Moskovskoe Shosse, Samara 443086, Russia, lapteva.n@list.ru

The article considers key problems and controversies of higher education system in contemporary Russia, main interpretations of their reasons and ways of solution presented within domestic scholarly discourse. An inference is made that the best way to reform it is the "conservative" one implying reformatting the state's functionality in the higher education sphere conducted on the basis of red tape reduction and minimization of formal criteria, fulfilling the strategy of improving quality of education practically oriented at national interests and needs of Russian economy and society, including social and educational functions of universities.

Keywords: state higher education policy, reforms of higher education, digitalization of educational process.

Received: 03.03.2020 / Accepted: 13.03.2020 / Published: 01.06.2020

© Лаптева Н. В., 2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>

Основные направления и результаты реформирования системы высшего образования в современной России являются одним из самых актуальных сегментов отечественного научного дискурса. Злободневность данной проблематики обусловлена тем, что от модернизации российской высшей школы во многом зависят качество человеческого капитала и адекватные ответы на вызовы времени во всех сферах общественной жизни современной России.

Несмотря на преобладание консервативно-центристского вектора в политическом развитии России последних двух десятилетий, в развитии отечественной системы высшего образования существенное значение продолжает играть либеральный тренд. Обусловлено это не только инерционным воздействием того политико-правового импульса, который был задан высшей школе в 1990-е гг., но и рядом вполне современных факторов.

Либеральный взгляд на состояние системы высшего образования в современной России и ее основные проблемы, требующие решения, представил председатель совета Фонда «Центр стратегических разработок» (ЦСР), декан факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета А. Кудрин. В своем выступлении на 2-й Всероссийской конференции «Путь к успеху: стратегии поддержки одаренных детей и молодежи» он акцентировал внимание на том, что «Россия по уровню цифровизации отстает от передовых стран лет на десять»¹. По его мнению, подготовка программистов должна стать центральной задачей дальнейшего реформирования высшей школы и всей системы образования в современной России. Именно успехи в этой сфере должны стать главным фактором экономического развития страны. Однако в качестве одного из ведущих способов решения накопившихся проблем высшей школы современной России А. Кудрина видится расширение права «на частную инициативу в высшем образовании как непереносимое условие научно-технологического прогресса»². Это позволит уйти от директивного единообразия и устаревших форм работы со студентами. То есть фактически обосновывается дальнейшее

внедрение рыночных отношений в систему высшего образования и ее ориентация на общемировые тенденции цифровизации всех сфер общественной жизни.

Попытку всесторонней критической оценки такого неолиберального подхода к реформированию высшей школы в современной России предпринял член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко. По его мнению, у сторонников неолиберальных инноваций в высшей школе (кроме А. Кудрина автор относит к ним нескольких ректоров ведущих московских вузов, преуспевающих в своей коммерческой образовательной деятельности) отсутствует главное – «стратегическое видение того, для чего нужно образование вообще – и высшее образование в частности... в официальных документах не определена и не провозглашена четкая официальная государственная установка, что образование – это сфера достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала»³. На наш взгляд, без определения такой стратегической цели для отечественной системы высшего образования, ориентированной на реализацию прежде всего национальных интересов, она сможет превратиться в постоянно действующий канал «утечки мозгов» и поставщика высококвалифицированных кадров для экономик более развитых западноевропейских государств.

Еще одна важная проблема, которая определяет противоречивый характер реформирования системы высшего образования, состоит в том, что главным ее инициатором и субъектом проведения выступает управленческая бюрократия. По мнению исследователей, существенное увеличение ее административно-правовых ресурсов и соответствующее расширение управленческой функциональности бюрократии началось в 2003 г. с присоединением России к Болонскому процессу.

Л. Е. Бляхер и М. Л. Бляхер, рассмотревшие содержание основных этапов в развитии системы высшего образования в постсоветской России и изменение роли государства в управлении данной сферой, утверждают, что «присоединение к Болонскому процессу, который изначально был порождением бюрократии, а не вузов, дало в руки министерства важнейший политический ресурс – систему формализованных показателей. Появился вполне определенный предмет для проверок. Как отмечали респонденты, с 2004–2005 гг. их число и жесткость начали возрастать»⁴. Вторым фактором, определившим вектор дальнейшего усиления административного ресурса в управлении вузами, стало увеличение бюджетного финансирования системы высшего образования и соответствующего постоянного финансового государственного контроля. Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что усиление формализации и бюрократизации отчетности в работе профессорско-преподавательского состава привело к

тому, что снизилась социальная ответственность преподавателей, которых стали административно принуждать к «лояльности» в отношении к платным и бюджетным студентам, чтобы не допустить снижения финансовых ресурсов вуза⁵. Это негативное последствие характерно и для вузов исследуемого нами Поволжского региона. Кроме того, важнейшее значение стала иметь рекламная и профориентационная деятельность вузов по привлечению абитуриентов, нацеленная на расширение коммерческого контингента студентов в вузах. Значительная часть профориентационной работы также стала дополнительной (не оплачиваемой) нагрузкой для профессорско-преподавательского состава.

В некоторых случаях формализация показателей работы вузов и их структурных подразделений приобретает абсурдный характер. Примером тому может служить борьба за повышение качества диссертационных исследований⁶. По мнению А. А. Вилкова, «возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, официальная стратегия изменений в научной сфере нацеливает на повышение роли соответствующего научного сообщества в оценке качества диссертационных исследований (за счет обязательной апробации отдельных результатов своего труда в виде публикаций в журналах из реестра ВАК). С другой стороны, чтобы обеспечить формальный показатель уровня оригинальности, автор вынужден убирать из текста диссертации апробированные материалы своих опубликованных статей по данной теме (либо излагать их в неузнаваемом для системы «Антиплагиат» виде)»⁶.

Анализ литературы показывает, что соответствие с Болонским процессом стало одним из ключевых направлений анализа результатов реформы системы высшего образования в современной России. Именно апелляция к целям и принципам Болонской декларации как важнейшей предпосылки вхождения России в мировое образовательное пространство была одним из основных аргументов инициаторов проведения реформы высшего образования в России и принятия соответствующего Федерального закона «Об образовании». И это несмотря на то, что Болонский процесс в этот период уже выявил негативное отношение к нему во многих западноевропейских университетах. По результатам опроса, проведенного в 2007 г. в 31 европейской стране, 59% преподавателей высказались за сохранение прежней системы обучения⁸. Главными проблемами, которые обозначил данный процесс унификации образовательного пространства в Европе, стали определенная утрата автономии университетов и снижение научного уровня базового образования.

Для России этот переход оказался еще более сложным в силу ряда обстоятельств. Кроме влияния специфического институционального советского наследия в сфере высшего образования,

сыграла свою роль специфика российского среднего образования и введение ЕГЭ. По утверждению профессора М. Г. Лазара, «высокий балл на ЕГЭ, по мнению учителей и самих школьников, перестает быть показателем знаний выпускников, поскольку ученики «натаскиваются» на определенные вопросы, что лишает их широкого кругозора»⁹. Соответственно, на наш взгляд, снижаются возможности для быстрого включения вчерашних школьников в освоение новых форм получения и освоения знаний в условиях вуза. С учетом того, что на получение профессии в рамках бакалавриата отводится всего четыре года, то получается, что первый курс для большинства студентов является наиболее болезненным и превращается в год адаптации к новым условиям и требованиям.

Еще одна совокупность проблем высшей школы в современной России и различные подходы к их решению обозначились в рамках дискуссии между сторонниками менеджериального подхода к реформированию высшего образования и приверженцами идеологии «медленной науки»¹⁰. Например, авторы коллективной статьи, оценивая реакцию представителей российских вузов на проводимые реформы высшего образования, определяют ее как «алармизм». Изменения в оценках традиционных форм преподавания, введение новых критериев результатов профессиональной деятельности преподавателей вузов и вузов в целом, новые требования внешнего управления вузами вызывают опасения и рефлексивное сопротивление «наступлению неоменеджериального капитализма в сферу университетской и научной автономии... То есть академические профессионалы видят угрозу своей автономии в том числе в части организации своих бюджетов времени и колонизации времени их личной жизни»¹¹. Данная ситуация, по утверждению авторов, не типично российская, а является отражением общемировых тенденций реформирования системы высшего образования и модернизации управления данной системой. Концептуализацией протеста против внедрения неоменеджериального капитализма стала идеология «медленной науки», сформулированная и поддержанная в ряде западноевропейских и американских вузов. Суть аргументов сторонников данной идеологии можно свести к следующему: не все результаты в научной деятельности могут подвергаться квантификации; многие прорывные открытия являются результатом проб и ошибок; менеджирование и администрирование в сфере научной деятельности не стимулируют ее, а лишь осложняют множеством бюрократических требований, регламентов и нагрузок. По мнению авторов, в отечественных вузах перспектива укрепления данной идеологии отсутствует не в последнюю очередь потому, что «может быть неодинаково воспринята в разных сегментах уже сильно дифференцированного академического сообщества»¹².

Как представляется, вопрос этот является дискуссионным в силу ряда обстоятельств, характерных для системы высшего образования в современной России. Не последнюю роль играет, например, тот фактор, что потенциал автономности профессорско-преподавательского состава в российских вузах не высок. По данным ростовских исследователей, уровень доверия внутри вуза очень не высок, «лишь 27% интервьюируемых преподавателей и руководителей вузов будут решать проблему внутри организации с помощью ректора, руководства вуза или профсоюза, подавляющее большинство воспользуется помощью «на стороне» или же вовсе чувствует свою незащищенность, 23% интервьюируемых говорят о том, что не могут обратиться ни к кому»¹³.

Поставленные в условия жесткого административного контроля, преподаватели вузов не имеют возможности донести реальную свою оценку реформы системы высшего образования и отношение к ней, послушно выполняя формальные требования радикальных преобразований в этой сфере. В результате стимулирующий эффект реформы высшего образования измеряется с помощью вводимых количественных показателей, но не затрагивает сущностного ее измерения через призму отношения с ней профессорско-преподавательского состава. Социологические замеры свидетельствуют, что отрицательное отношение большинства вузовских преподавателей к изменениям в сфере высшего образования обусловлено тем, что они «не понимают их направленности и значимости»¹⁴. То есть формализм и бюрократическое начало преобразований выхолащивают их содержательную сущность и лишают тем самым смысла для большинства профессорско-преподавательского состава.

Масштабное расширение бюрократического аппарата в вузах Л. Е. Бляхер и М. Л. Бляхер оценивают как прямое следствие усиления «вертикали власти» в управлении вузами: «Для защиты от внешней администрации создаются различного рода отделы, управления и подразделения, не имеющие прямого отношения к учебному процессу». Численность административного аппарата в исследованных авторами вузах за рассматриваемый ими период (с 2003 по 2011 г.) выросла в 2,7–3,5 раза, причем выросла именно за счет новых подразделений. «Уже в 2008 г. новая вузовская бюрократия превысила по численности традиционную (диспетчерская, учебная часть, отдел кадров и т. д.), а начиная с 2011 г. – и все другие группы работников вузов»¹⁵.

Не подвергая сомнению данные о динамике вузовской бюрократии (в исследованных нами вузах Самары и Саратова ситуация примерно идентичная), вряд ли можно согласиться с тезисом авторов о том, что этот рост есть следствие выстраивания вузами защитного слоя бюрократии, «главная и осознаваемая функция которого – отражение атак со стороны министерства»¹⁶.

Думается, что, кроме фактора возрастания внешнего административного давления на вузы, играют свою роль и внутренние стимулы расширения вузовской бюрократии. Они связаны с тем, что заработная плата представителей административного аппарата вуза реально выведена из сферы традиционных институтов внутривузовского общественного контроля. В результате уровень оплаты вузовских менеджеров значительно превышает средние зарплаты профессорско-преподавательского состава, которые в отчетах для министерства и государственных контролирующих органов представляют собой своего рода «среднюю температуру по больнице».

Соответственно, и оптимизация зарплаты профессорско-преподавательского состава (в рамках реализации майских указов Президента РФ) осуществляется, прежде всего, за счет сокращения ставок преподавателей и «оптимизации» учебного процесса на основе увеличения горловой нагрузки, объединения потоков, уменьшения часов на консультации и индивидуальную работу со студентами. Авторы констатируют: «Поиск средств на новые административные структуры обернулся к настоящему времени сокращением 30% преподавательских ставок при 5–6-процентном сокращении набора»¹⁷. Подобная тенденция сокращения ППС имеет место и в Поволжском регионе на основе реализации вузами «дорожной карты оптимизации штатного расписания».

С проблемой сокращения штатного расписания связана еще одна проблема, которая, с одной стороны, отражает общемировые тенденции, а с другой, конкуренцию между российскими вузами на рынке образования. Суть ее состоит в стратегии повсеместного распространения онлайн-курсов в отечественных вузах, формально объясняемая объективной потребностью в цифровизации учебного процесса в высшей школе. Примечательно, что данная задача приобрела статус государственной стратегии в рамках реформирования системы высшего образования после проблем с государственной аккредитацией в 2017 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге и в 2018 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук¹⁸. Вскоре после этого появилось публичное обращение представителей 50 крупнейших российских вузов к Президенту РФ, в котором они критиковали существующую систему госаккредитации как устаревшую и предлагали перейти к новой, основанной на публичности и проверке «качества обучения совместно с работодателями»¹⁹.

Значительная часть представленной в письме критики деятельности Рособнадзора действительно совпадает с тем мнением, которое широко распространено в вузовских сообществах современной России (формализм, отсутствие четких критериев оценки содержательной работы профессорско-преподавательского состава и многие другие). Однако в тех новациях, которые сформу-

лированы авторами письма, на наш взгляд, наряду с вполне обоснованными и конструктивными содержатся очень противоречивые и неоднозначные предложения, которые могут усугубить и так не очень простое положение региональных вузов России. Суть их сводится к тому, чтобы на основе новых критериев разделить все вузы России на несколько категорий: «...изменение системы государственной аккредитации вузов в направлении создания трёх типов аккредитации – базовой, продвинутой и ведущей, отличающихся отношением к он-лайн лекциям: “Базовый [уровень] будет предполагать, что вуз должен значительную часть курсов реализовать в сетевой форме, когда вместо традиционных лекций будут онлайн-курсы Национальной платформы открытого образования”, т. е. использовать курсы, подготовленные ведущими вузами. Продвинутая аккредитация предполагает, что вуз может все курсы готовить своими силами. А обладатели аккредитации ведущего университета будут иметь её только в том случае, если они обязуются все свои базовые курсы по профильному направлению и значительное число курсов по выбору реализовать в онлайн-форме и сделать доступными для широкой аудитории»²⁰.

В качестве главного аргумента продвижения такой системы высшего образования выдвигается неизбежность перехода к цифровизации процесса обучения в силу непопулярности традиционных лекций и отсутствия должной квалификации профессорско-преподавательского состава многих вузов. То есть повысить качество обучения в них предполагается ресурсами квалифицированных онлайн-курсов ведущих вузов страны. На наш взгляд, такая обобщенная негативная оценка традиционных форм работы со студентами не имеет серьезных и научно обоснованных доказательств. Информация об отдельных оценках и негативных отзывах со стороны студентов в отношении работы конкретных преподавателей в конкретных вузах, как видится, должна ориентировать государство на повышение качества подготовки в аспирантуре, на повышение статуса преподавателей, на совершенствование форм и содержания контроля за учебным процессом (взамен проверки многочисленных бумажных показателей). Распределение вузов по предложенным категориям представляет собой завуалированный способ законодательно обеспечить финансовое и статусное превосходство ряда элитных столичных вузов и еще более подорвать финансовое, материальное, кадровое обеспечение региональных вузов (не смотря на то, что они в большей степени ориентированы на реализацию национальных интересов, а не на показатели процента работы выпускников в других странах).

В целом, анализ литературы показал, что в научном дискурсе доминируют два основных подхода к дальнейшему реформированию системы высшего образования современной России. Общим для них является признание наличия не-

решенных проблем в этой области, связанных с усилением бюрократического начала в государственном управлении, доминированием формализованных оценок деятельности вузов, ослаблением качества обучения студентов. Однако решение данных проблем видится по-разному.

Сторонники либерального подхода выход видят в концентрации ресурсов образовательного процесса в наиболее престижных и высококвалифицированных вузах, которые с помощью технологий цифровизации смогут поднять уровень подготовки специалистов в других отечественных вузах. Осуществление данного реформирования должно основываться на ослаблении государственного бюрократического контроля со стороны государства, продолжении интеграционных процессов в мировое образовательное пространство, повышении автономии вузов и дальнейшем внедрении рыночных начал в систему высшего образования.

Как представляется, более оптимальным является «консервативный» вариант реформирования, сторонники которого акцент делают на необходимости переформатирования функциональности государства в сфере высшего образования на основе дебюрократизации и минимизации формальных показателей, на основе реализации стратегии повышения качества обучения, практико ориентированного на национальные интересы и потребности российской экономики и общества в целом, в том числе и на основе социально-воспитательной функции вузов. Этому должны быть подчинены стратегическая концепция реформы высшей школы, ее финансирование и формы контроля со стороны государства.

Примечания

- ¹ Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 23.03.2018. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/34254/> (дата обращения: 17.02.2020).
- ² Там же.
- ³ Тощенко Ж. Т. Высшее образование на перепутье : куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 404—405.

- ⁴ Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов : динамика противостояния // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1 (72). С. 34.
- ⁵ Там же. С. 36—37.
- ⁶ См.: Шестов Н. И. Качество политического исследования : проблема критериев оценки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308—313. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313
- ⁷ Вилков А. А. К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 69. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70
- ⁸ См.: Корякин К. В., Макаренко Е. М. Проблемы реализации Болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // Учен. зап. ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2017. Т. 12, № 6. С. 168. DOI: 10.21209/2308-8796-2017-12-6-167-173
- ⁹ Лазар М. Г. Воздействие реформы высшего образования России на будущие кадры науки // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 1. С. 48.
- ¹⁰ См.: Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Академическая профессия и идеология «медленной науки» // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С. 62—70.
- ¹¹ Там же. С. 63.
- ¹² Там же. С. 68.
- ¹³ Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Реформы в сфере высшего образования : роль институтов и социального капитала // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8, № 2. С. 98. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.087-104
- ¹⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁵ Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁶ Там же. С. 40.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Литвак Н. В. Новая реформа отечественного высшего образования : «цифровизация» и профессура // Наука. Культура. Общество. 2018. № 2—3. С. 157.
- ¹⁹ Университеты хотят новых оценок. В Рособназоре не намерены менять правила регламентации высшего образования. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674951> (дата обращения: 21.02.2020).
- ²⁰ Литвак Н. В. Указ. соч. С. 158.

Образец для цитирования:

Лаптева Н. В. Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 219—223. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>

Cite this article as:

Lapteva N. V. The Issue of Reforming Higher Education within the Scholarly Discourse of Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 219—223 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>